

в СССР, были привнесены в Чехословакию и в значительной части привнесены силой. Хотя Горбачев лично не несет за это ответственность, обязанность, от которой он не может уклониться, — активное содействие преодолению перечисленных недостатков, реализации погранных принципов суверенитета и уважения специфических условий Чехословакии. Когда и как он сможет это сделать, Горбачев, принявший наследство Брежнева, должен решить сам, и никто ему в этом не указ. Но если он хочет избежать серьезных политических ошибок, он не должен делать вид, что все в полном порядке и что происшедшее после 1969 г. заслуживает одобрения.

После 1969 г. в Чехословакии преследовалось все то, за что сейчас радуется сам Горбачев: творческое и критическое мышление, индивидуальная активность без директив сверху, культурное и научное творчество, честность, искренность, приверженность своим убеждениям. Если бы Горбачев пытался настаивать на необходимости демократизации и реформ в Чехословакии в 1970 г., его исключили бы из КПЧ, и ему пришлось бы работать истопником или чернорабочим, несмотря на его коммунистические убеждения и высшее образование. Это не преувеличение. Такова судьба десятков тысяч чехов и словаков.

В СССР при Горбачеве стали издавать прежде запрещенные книги; авторов многих из них уже нет в живых. В Чехословакии же до сих пор не печатаются работы сотен авторов только потому, что они не отказались от своего убеждения о необходимости реформы системы советского типа, о необходимости демократизации, без которой под угрозой не только социализм, но и техническое развитие страны.

Весьма возможно, что, по политическим соображениям, Горбачев предпочитает молчать об этом. Такую позицию в состоянии понять и жертвы политики, проводившейся в Чехословакии после 1969 г. Но призывать к восхвалению этой политики, благословлять ее — значит оказывать поддержку многолетней лжи, а это политическая ошибка, кто бы и по каким бы мотивам ее ни делал.

Людмила Алексеева

О ПОЛИТИЧЕСКИХ АМНИСТИЯХ В СССР

К моменту прихода к власти М. С. Горбачева, т. е. к началу 1985 г., открытые проявления инакомыслия были подавлены почти полностью, ушло под поверхность национальное недовольство и религиозная активность. Гражданские выступления тоже почти прекратились. Открыто действовала лишь крошечная группа „За доверие между Востоком и Западом” и продолжали борьбу за выезд из СССР наиболее отчаянные отказники-евреи. Из богатой прежде самиздатской периодики сохранились лишь „Бюллетень Совета родственников узников Евангельских христиан-баптистов” и религиозно-назидательный журнал „Вестник истины”, издания литовских католиков „Хроника Литовской католической церкви” и литовского национального движения журнал „Аушра”.

Это затишье было обеспечено резким усилением преследований всех видов инакомыслия с конца 1979 года. За 5 лет были арестованы почти все активные инакомыслящие и многие сочувствовавшие им. Режим в местах заключения ужесточился до крайности. На политзаключенных обрушивались за малейшую провинность и по сфабрикованным поводам помещения в карцер, запреты на свидания с родными и даже на переписку с ними, наконец, — жестокие избиения. Резко увеличилась смертность среди политзаключенных. С 1983 г. в пермском лагере № 36, где находились всего 60 человек, умерли десятеро. С 1980 г. по 1986 г. погибли 34 политзэка, 22 из них за последние три (1984-1986) года. Оставшимся в живых грозило вне зависимости от приговора бессрочное заключение. В 1983 г., во время

недолгого правления Ю. Андропова, в советский кодекс была введена статья 188–3, по которой срок заключения мог быть продлен за нарушение лагерного режима — просто по докладной записке лагерной администрации. Эта статья, а также фабрикация уголовных и политических обвинений использовались для того, чтобы перед окончанием срока политзаключенный получал следующий, не выходя на свободу.

Выход на свободу в срок, определенный приговором, стал для политзаключенных счастливым исключением. Отказ от своих убеждений, письменный или в публичном выступлении, стал почти обязательным условием освобождения. Таким образом шеф КГБ Андропов еще при жизни Брежнева подготавливал обсуждение критики изнутри после своего прихода к власти. Эту политику он продолжал, став генсеком. Не изменилось положение политзаключенных и во время правления Черненко.

В марте 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. Горбачев. Но до начала 1986 г. не было никаких признаков изменения прежней политики ни в области прав человека, ни по отношению к борцам за эти права. Более того, в интервью газете Французской компартии „Юманите” Горбачев в феврале 1986 г. сказал, что в СССР за убеждения не судят, т. е. политических заключенных в Советском Союзе нет.

Это была сознательная ложь. Ведь новый генсек знал по крайней мере о бессудном заточении А. Сахарова и об осуждении на ссылку его жены Е. Боннэр.

На самом деле Горбачев знал и об арестах и судах над инакомыслящими, по крайней мере, с ноября 1979 г., когда он стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и стал присутствовать на заседаниях Политбюро, так как общая политика по отношению к инакомыслящим и решение судебных известных инакомыслящих не обходится без санкции этого фактического высшего органа власти в СССР.

В октябре 1980 г. Горбачев стал членом Политбюро и, следовательно, был не только информирован о политике партийного руководства по отношению к инакомыслящим, но и санкционировал ее вместе с другими членами Политбюро.

Сознательная ложь об отсутствии преследований за

убеждения в СССР наводила на мысль, что ничего в их положении при новом генсеке не изменится.

18 февраля 1986 г. самый известный в СССР политзэк академик Сахаров написал Горбачеву письмо, в котором утверждал, что в СССР есть политические заключенные и называл поименно 14 советских граждан, находившихся в заключении за убеждения (включая самого себя и Е. Боннэр). Одним из этих 14 был Анатолий Шаранский. Сахаров в своей горьковской ссылке не знал, что 16 февраля Шаранский был освобожден путем обмена на нескольких шпионов ГДР. Это освобождение вызвало взрыв восторга на Западе. Но освобождение Шаранского нельзя было рассматривать как начало освобождения советских политзаключенных — Шаранский был в особой ситуации, — его судьба определялась не политикой по отношению к инакомыслящим внутри страны, а взаимоотношениями между СССР и Западом, прежде всего США.

Но тогда же, в феврале 1986 г., произошло еще одно досрочное освобождение, мало кем замеченное, — вышел на свободу Владимир Пореш, один из основателей молодежного христианского семинара. Пореш получил за это 5 лет лагеря и 3 года ссылки. В последний день заключения, перед переводом в ссылку, 1 августа 1984 г., Пореш, по заведенному тогда обычаю, был арестован „за нарушение режима” и приговорен к трем годам лагеря, после чего он должен был, согласно приговору, отбыть и назначенную ему по первому приговору ссылку. И вдруг в феврале 1986 г. его освободили, признав второй лагерный срок неправильно присужденным. А за то, что он отбыл полтора года в лагере по неверному приговору, его освободили от ссылки, причитавшейся по первому приговору!

Это было весьма необычно, и в сердце закралась надежда: вдруг новое руководство начнет освобождать политзэков? — Так и произошло.

Однако случилось это не сразу. Наоборот. Режим в местах заключения становился все свирепей. И на этом фоне происходили отдельные освобождения, но лишь при условии „раскаяния”. Так, в марте 1986 г. освободили троих политзэков.

Впоследствии выяснилось, что среди политзэков была проведена широкая кампания по склонению их к раскаянию.

При одновременном ужесточении лагерного режима до невозможности, эти трое согласились на требуемые начальством лагеря заявления. В мае освободили еще двоих — уже без раскаяния, но оба они, как и Пореш, отбывали дополнительные сроки „за нарушение режима”. Возникло впечатление, что есть решение не использовать эту статью, а по остальным политзаключенным так и будут сидеть. Только в июле 1986 г. появились первые известия, что двух политэзков освободили от основного срока, и без раскаяния. Но обстоятельства их освобождения были неясны из-за скудости информации. В октябре произошло сенсационное освобождение руководителей Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова и известной на Западе поэтессы Ирины Ратушинской, в ноябре — два освобождения по раскаянию и еще одно — была освобождена старая больная женщина — литовка Ядвига Беляускене (может быть, по состоянию здоровья). Так что картина к концу 1986 г. все еще оставалась неопределенной.

Но в это время произошло трагическое событие — в чистопольской тюрьме погиб Анатолий Тихонович Марченко, которого А. Д. Сахаров в своем письме к Горбачеву назвал первым среди узников совести. Марченко с 6 августа находился на голодовке. Голодовка эта была обращена к Венской конференции по проверке выполнения хельсинкских соглашений с призывом потребовать амнистии для всех политзаключенных.

Заявление Марченко было опубликовано в газете „Нью-Йорк Таймс”. 113 сенаторов и конгрессменов США обратились к Горбачеву с поддержкой призыва Марченко и с просьбой о его спасении. Озабоченность судьбой Марченко выразил глава Американской федерации труда Лэйн Керкленд, Госсекретарь Джордж Шульц в своей речи на открытии Венской конференции обратил внимание присутствующих на голодовку Марченко и его требования. Об этом же говорил глава американской делегации на Венской конференции посол Уолтер Зиммерман. 26 ноября Марченко снял голодовку, видимо, после посещения его в тюрьме какой-то высокой персоной с какими-то убедительными заверениями. Но последствия длительной голодовки оказались роковыми при расшатанном здоровье Марченко. 8 декабря он умер — видимо, от инсульта (информация о последних

днях А. Марченко весьма недостаточна). Гибель Анатолия Марченко нанесла существенный урон международной репутации нового генсека. И за этим печальным событием очень быстро — необычайно быстро для советских условий — произошло радостное событие: 16 декабря Горбачев позвонил академику Сахарову с сообщением, что он и его жена вольны вернуться в Москву когда они того пожелают. 23 декабря они уже прибыли в Москву.

Одновременно произошло освобождение нескольких политзаключенных, гораздо менее известных на Западе. А в январе 1987 г. глава советской делегации на Венской конференции Юрий Кашлев заявил, что намечается освобождение политических заключенных, хотя этих слов он не произнес, осужденных за антисоветскую пропаганду. В феврале вышла на свободу первая группа политэзков — 15 из обещанных Кашлевым „около 200”.

Несомненно, гибель Анатолия Марченко ускорила эти события. Но несомненно также, что они замышлялись и даже подготавливались еще до этой гибели — иначе они не произошли бы столь немедленно после известия о смерти Марченко. Возможно, смерть эта сыграла такую же роль для нажима на руководство КГБ, как авантюра молодого немца Матиаса Руста, посадившего свой самолет на Красной площади, в разгроме высшего военного командования, т. е. ускорила осуществление уже задуманных мер. Однако руководство КГБ в связи с гибелью Марченко смещено не было. Более того — вся акция по досрочному освобождению проводится комиссией, в которую входят представители прокуратуры, партийных органов и — КГБ. При этом досрочные освобождения проводятся не как реабилитация, т. е. признание несправедливого и незаконного осуждения политзаключенного, а как помилование, и для получения этого помилования требуется написать заявление, которое дало бы для него основание. Четкого указания сверху, каков должен быть текст этого заявления, нет. Поэтому многое зависит от личных качеств членов комиссии на местах: кое-где отпускают по любой отписке, а кое-где выжимают унижительный для политэзка текст. Это вело порой к трагедиям. Андрей Шилков, осужденный за попытку создания подпольной типографии для московской социал-демократической группы, находившийся в послелагерной

ссылке, подписал какой-то текст под нажимом приехавшего к нему прокурора, а после его отбытия перерезал себе бритвой горло. К счастью, Шилкова удалось спасти, но после длительно-го пребывания в больнице.

Значительная часть узников совести отбывает свои сроки в психбольницах, а советские официальные лица продолжают отрицать, что в СССР психиатрия используется для политических расправ. Тем не менее досрочные освобождения из заключения и из ссылки сопровождаются ускоренной выпиской полит-

В списке политзаключенных, сократившемся в течение 1986 г. на 26 человек благодаря досрочному освобождению, за тот же год прибавилось 14 мусульман, арестованных за распространение религиозной литературы и организацию изучения Корана. Кроме того, большая группа была арестована за участие в волнениях в Алма-Ате в декабре 1986 г. Нам известно поименно лишь 8 человек, осужденных в Алма-Ате, на самом деле судили гораздо больше. Общие цифровые данные таковы: к 1 июня 1987 г. досрочно освободелось почти 50% известных поименно политзаключенных, из них 118 в психбольницах. В заключении продолжали оставаться 566 человек.

В июне 1987 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии к 70-летию Октябрьской революции. Под эту амнистию подпадала и часть политзаключенных. После издания этого указа стали понятны некоторые казавшиеся странными моменты досрочных освобождений. Так, Кашлев объявил, что будут освобождать осужденных по статье 190-1 Уголовного кодекса РСФСР („клевета на советский строй“) и по статье 70 („антисоветская пропаганда“). На практике и та и другая статьи служили для осуждений за критику советской системы или ее отдельных сторон. Квалификация — „за клевету“ или „за пропаганду“ — зависела от желательной для карательных органов тяжести наказания данного арестованного, так как „за клевету“ максимальный срок — 3 года лагеря общего режима, а „за пропаганду“ — 7 лет лагеря строгого режима плюс 5 лет ссылки. Объявив о досрочном освобождении по обеим статьям, на самом деле в течение 1986 — первой половины 1987 г. освобождали почти исключительно осужденных по более тяжелой статье — „за пропаганду“. Именно осужденные по

статье 70 составили большинство досрочно освобожденных в этот период, а осужденные „за клевету“, т. е. те, кто, с точки зрения властей, совершили менее тяжкое преступление, продолжали отбывать свои сроки. Почти не освобождали тогда и осужденных за религиозную деятельность — хотя, казалось бы, антисоветская пропаганда должна быть в глазах властей более тяжким идеологическим преступлением, чем религиозная активность, которая и осуждалась менее сурово — обычный срок „за веру“ — от трех до пяти лет. Но с выходом в свет Указа об амнистии к 70-летию Октября стал понятен замысел предварительных помилований „за антисоветскую пропаганду“: эта статья не подлежала амнистии как особо опасное государственное преступление, а верующие и осужденные „за клевету“ подпадали под амнистию (надо сказать, что это случилось — впервые со времени включения этих статей в советские уголовные кодексы).

Амнистия коснулась большей части примерно 5 млн. заключенных, среди которых доля политических ничтожно мала, но в этой статье речь идет только о политзаключенных. Хотя амнистия распространилась на некоторые политические статьи, численность освобожденных по амнистии политэзков совсем невелика — около трех десятков человек; примерно 150 амнистия заменила лагерь принудительными работами на стройках, остальным лишь сократила срок пребывания в лагере. После завершения освобождения по амнистии в заключении, ссылках и психбольницах останутся, по нашим расчетам, около 300 узников совести. Это — самый низкий показатель за весь советский период российской истории. Но в цивилизованной стране политзаключенных не должно быть вообще, и советское общество и Запад не должны прекращать борьбы за их освобождение, за всех вместе и за каждого в отдельности.

Интересно сравнить подходы и методы нынешнего освобождения политзаключенных с тем же процессом во времена Хрущева.

Главное отличие, конечно, в масштабах освобождений. В хрущевские времена освобожденные исчислялись не сотнями, как сейчас, а миллионами, поскольку исходные цифры, так

сказать, наличности политзаключенных тогда составляли (по оценке Роя Медведева) около 10 млн. человек, а сейчас нам было известно поименно около тысячи (на самом деле эта цифра, конечно, несколько больше, может быть, вдвое-втрое).

Существенное отличие процесса освобождения политзаключенных в хрущевские времена также в том, что тогда ему предшествовал арест, суд и расстрел главного исполнителя репрессий — Лаврентия Берии, а ныне между высшим партийным руководством и КГБ нет никаких видимых признаков не только борьбы, но и трений. Я не знаю, опирается ли Горбачев на КГБ, или наоборот, боится его, или и то и другое, но это единственное ведомство, ни разу не подвергнувшееся критике в печати.

Существенно иным является ныне и состав политзаключенных. Среди политэзков сталинского времени, доставшихся в наследство Хрущеву, подавляющее большинство составляли люди, никак с системой не конфронтировавшие, а значительную часть — даже преданные ей и Сталину. Лишь сравнительно небольшую часть политэзков составляли критики системы, действовавшие в соответствии со своими взглядами — члены запрещенных в СССР социалистических партий (эсеры, меньшевики, анархисты и т. д.). Среди нынешних политэзков более трети — действительно критики системы, действовавшие мирными и законными средствами, но все-таки действовавшие. В обе эпохи значительную часть политзаключенных составляли верующие разных вероисповеданий и люди с выраженным национальным сознанием — эти категории советских граждан и в сталинские и в брежневские времена были неуютны властям.

Наконец, иной была и обстановка в местах заключения. В лагерях после смерти Сталина и особенно после ареста Берии прокатилась волна забастовок и бунтов — на воркутинских шахтах, в Норильске, в Кенгире и во многих других местах. При подавлении этих волнений погибли сотни политзаключенных. Нынешний малый контингент политэзков не был способен на такое давление на власти. Однако участвовавшие смерти политзаключенных, в том числе и в результате самоубийства, или, как в случае Марченко — в связи с голодовкой протеста, получившие огласку и внутри страны и на Западе, и создали

психологическое давление, может быть, сравнимое с давлением протестов после смерти Сталина, о которых, несмотря на их массовость, не было известно ни внутри страны, ни за рубежом. Есть сходство и в личном подходе членов советского руководства хрущевского времени и нынешнего к проблеме политических заключенных, потому что и тогда и теперь люди, санкционировавшие их освобождение, были причастны к политическим преследованиям и были за них, по крайней мере, морально ответственны.

Эти сходства и различия в ситуации, а также сходства и различия хрущевской и горбачевской эпох определили сходства и различия акции по освобождению политзаключенных.

Как происходили досрочные освобождения при Хрущеве? Они начались уже в 1953 г. — с освобождения арестованных незадолго перед смертью Сталина врачей кремлевской больницы. Это были личные врачи пришедших к власти советских и партийных руководителей, знавших, что арестованные совершенно невиновны в приписываемом им намерении извести своих сановных пациентов. Почти одновременно с освобождением кремлевских врачей начались освобождения родственников и друзей новых советских руководителей, а затем — их бывших коллег, оставшихся в живых партийных работников 30-х годов. По данным Роя Медведева, численность освобожденных в течение 1953-1955 гг. составила около 10 тыс. человек, т. е. 0,01% от общего числа политзаключенных. Это гораздо меньше, чем пропорциональное отношение освобожденных в 1986 г. политэзков (0,5%) к их общей численности. К тому же нынешнее освобождение началось гораздо быстрее — через полгода после прихода к власти Горбачева, хотя у него среди политэзков не было ни родственников, ни коллег, ни личных знакомых. Видимо, это объясняется тем, что на Горбачева влиял мощный фактор, которого не было при Хрущеве, — общественное мнение Запада и требования правительств демократических стран освободить преследуемых за убеждения, которых на Западе знают поименно и судьбу которых осознали как непосредственно связанную с проблемой открытости советского общества и всеобщей безопасностью. Но зато Хрущев испытывал гораздо более сильное давление со стороны советского общества. Сразу после ареста Берии родственники многих

политзаключенных стали добиваться их освобождения. Это было давление миллионов людей, писавших и обращавшихся во все возможные инстанции, поднимавших свои связи и связи своих знакомых. Сейчас родственники и друзья политзаключенных тоже добиваются их освобождения, но они составляют ничтожно малую часть советского населения, и их усилия не могут создать такого массового давления, а советское общество в целом ни тогда, ни сейчас серьезной и массовой озабоченности судьбой политзаключенных не проявляло. Публичные выступления с требованиями их освобождения начались намного позднее самого процесса досрочных освобождений, когда на собраниях 20-23 августа, где присутствовали 300 представителей 52 независимых общественных групп, был поставлен вопрос о политических заключенных. Не имея противников, эта тема тем не менее не привлекла широкого внимания присутствующих.

Наконец, сравним процедуру досрочных освобождений при Хрущеве и при Горбачеве.

В хрущевские времена первые три года (с 1953 по 1956 г.) освобождение каждого политзака производилось по решению Верховного суда СССР, а подготавливали дело для подачи в Верховный суд органы прокуратуры. Генеральная прокуратура, получив от родственников просьбу о пересмотре дела, направляла его в прокуратуру той местности, где был произведен арест и где происходил суд (или принималось решение ОСО, во многих случаях заменявшее суд). При такой процедуре освобождение миллионов политзаключенных растянулось бы на десятилетия. Прокурорские инстанции всей страны были завалены просьбами о пересмотре дел, ведь сидели в прокуратурах почти повсеместно те же самые люди, которые эти аресты производили и направляли судебные процессы, нередко лично заинтересованные в том, чтобы политзаки оставались в заключении.

После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), на котором Хрущев доложил о преступлениях Сталина и о массовых необоснованных арестах по политическим обвинениям, процедура досрочного освобождения была изменена. По предложению Хрущева, были созданы более 90 спецкомиссий, рассматривавших дела политзаключенных непосредственно на местах их заключения и ссылки. В каждую комиссию был включен работник

прокуратуры, представитель аппарата ЦК КПСС и реабилитированный к 1956 г. политзак — член КПСС. В этом последнем пункте — важное отличие горбачевской комиссии по досрочным освобождениям политзаков, в которую вместо реабилитированного политзака был включен представитель КГБ, хотя и Горбачеву нетрудно было выскать среди освобожденных политзаков если не членов КПСС, то своих полных единомышленников, так как за предложения таких реформ, которые он проводит, в брежневские времена неукоснительно сажали.

Членом коллегии МВД и заместителем начальника политотдела ГУЛАГа Хрущев назначил Александра Снегова — старого большевика, отбывавшего срок при Сталине. После ареста Берии Снегов сумел из лагеря передать Хрущеву и Микояну, которых он лично знал, сообщение, что он может дать показания о преступной деятельности Берии. Снегов был вызван свидетелем на суд над Берией, но после дачи показаний его снова отправили в лагерь. Однако Хрущев сделал запрос о его судьбе и вернул его из лагеря. Снегов был восстановлен в КПСС, реабилитирован, и возглавил работу по освобождению политзаключенных. Проводившие эти освобождения комиссии были временно наделены правами Верховного суда СССР и могли решать, кого реабилитировать, кого просто освободить по помилованию, кому сократить срок, а кого оставить с прежним приговором. Эти решения вступали в силу немедленно. Комиссии эти провели работу очень быстро: краткое знакомство с делом, краткая беседа с политзаком — и выносилось решение.

Члены КПСС и члены их семей получали реабилитации. Были реабилитированы также попавшие в лагерь за плен во время войны и „перемещенные лица”, т. е. угнанные на работу в Германию, если только данный человек не был уличен в прямом сотрудничестве с нацистами. Были реабилитированы все осужденные за критику Сталина и за анекдоты о Сталине.

Освободили всех находившихся в заключении после срока, назначенного приговором. Если дело, за которое данный человек был осужден, не подлежало безусловной реабилитации, его освобождали как бы по окончании срока, и он мог сам добиваться затем реабилитации.

Беспартийных, осужденных за антисоветскую деятельность,

тоже освобождали, но не всегда реабилитировали. Членов запрещенных в СССР политических партий освобождали, но не реабилитировали. Реабилитированным оказывали максимальную помощь в послелагерном устройстве: давали вне очереди жилье, помогали устроиться на работу, назначали персональные пенсии.

Ни тогда, ни сейчас не было идеи наказывать работников прокуратуры и МВД за превышение власти, незаконные аресты и за пытки на следствии, за издевательства и гибель политзаключенных в лагерях. Провели только несколько судебных процессов над ближайшими помощниками Берии и лишь в единичных случаях наказывали (обычно — смещением с должности) следователей-садистов. В карательных органах начался было переполох, но вскоре их работники оправились от испуга. Никто не преследовал также за ложные доносы, по которым были арестованы невинные люди. Среди сексотов тоже возникла была паника и даже имелись случаи самоубийств, но и они скоро успокоились. Хрущев говорил (в частных беседах), что нельзя начинать такого рода преследования, так как посадить придется больше, чем выпустили из лагерей (можно добавить, что и его самого по этим меркам следовало бы судить — ведь он санкционировал аресты на Украине и в Москве, будучи там первым секретарем).

Не проводилась реабилитация погибших, если на ней не настаивали родственники, но не всегда и их ходатайства имели успех. Так до сих пор не был реабилитирован Н. Бухарин. Активность бывших политзаключенных в хрущевскую оттепель не очень-то поощрялась — боялись их „озлобленности”.

То же самое сейчас. Анатолий Марченко погиб, ускорив своей гибелью начало досрочных освобождений. Бывшие политзаключенные считают, что это трагическое событие оказало огромное влияние на их судьбы. Каждый из нас, включая А. Сахарова, первый визит на воле наносит вдове Марченко Ларисе Богораз. Но не для всех свята память Анатолия Марченко. В газете „Труд” был опубликован подлый пасквиль на него, с обвинениями в саморекламе и даже в пособничестве фашизму.

Освободившимся политзаключенным дали поселиться со своими семьями и в столице и в других крупных городах, прежде закрытых для бывших политэзков. Но это не распространялось на освободившихся ранее по окончании срока. Так, биолог

Сергей Ковалев, осужденный за редактирование информационного бюллетеня правозащитников „Хроника текущих событий” и освобожденный по окончании срока в декабре 1984 г., по-прежнему работает сторожем в Калининне и не имеет права поселиться с семьей в Москве, в то время как Кирилл Попов, осужденный за редактирование той же „Хроники” и освобожденный досрочно в феврале 1987 г., получил московскую прописку. К работе по специальности из тех политэзков, которые имеют какое-то образование и профессию, почти никто не смог вернуться — такие случаи единичны. Их деятельность в поддержку политики „гласности” и демократизации нынешнее руководство встречает весьма кисло, и это печально, поскольку процесс демократизации нуждается в убежденных и мужественных сторонниках, выступавших за демократизацию еще тогда, когда это было опасно и большинство нынешних энтузиастов демократии, в том числе и Горбачев, не решались на это. Инициативу бывших политзаключенных стараются не замечать или как-нибудь без скандала ее прекратить, однако сейчас их уже не сажают. Не исключено, что в советских условиях это окажется достаточным для расцвета независимой общественной деятельности в пользу демократизации, успехи которой, в свою очередь, приведут к полному освобождению и реабилитации всех осужденных за ненасильственную деятельность в соответствии с их убеждениями.

Сентябрь 1987 г.